

УДК 34.096+159.955.4+172.1+172.4
DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-449-456

ПРАВОВОЙ ОПЫТ ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (ПЕРВАЯ АВСТРИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ)¹

JUDICIAL EXPERIENCE OF THE INTERBELLUM JEWISH INTELLECTUALS (THE FIRST AUSTRIAN REPUBLIC AND SOVIET RUSSIA)

А.М. Давлетшина
A.M. Davletshina

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St, Yekaterinburg, 620002, Russia

Аннотация

В статье рассматривается рефлексия над правовым опытом еврейской интеллигенции межвоенного периода, проживавшей в Первой австрийской республике и Советской России, а также эмигрировавшей в другие государства. Показано, что правовой статус еврейских граждан в рассматриваемых государствах претерпел значительную трансформацию в первой половине XX в., что привело к изменениям в политической, культурной и экономической сферах. Еврейские интеллектуалы остро переживали происходящие изменения и пытались осмыслить происходящие в правовой реальности изменения. В итоге правовые переживания «советской еврейской интеллигенции» и «австрийской еврейской интеллигенции» повлияли на переосмысление и конструирование идентичности.

Abstract

The paper considers the judicial experience introspection of the interbellum Jewish intellectuals, who lived in the First Austrian Republic and Soviet Russia or migrated to other countries. The author shows that in the first half of 20th century the legal status of Jewish citizens in the First Austrian Republic and Soviet Russia was critically transformed and this led to changes in political, cultural and economic spheres. It is also shown that Austrian and Soviet Jewish citizens were in complicated two-way situation and this fact was reflected in the judicial and cultural reality. Jewish intellectuals struggled to pass through and tried to comprehend current changes. The author underlines that assimilated Austrian Jews had the strongest intellectual introspection. Moreover, the judicial experience of the Soviet Jewish intellectuals and the Austrian Jewish intellectuals influenced on the reinterpretation and the constructing of identity. Finally, the Jewish people collided with the great problem – they couldn't totally disregard their Jewish origin.

Ключевые слова: межвоенный период, интеллектуальная рефлексия, правовой опыт, правовые переживания, правовая реальность, советская еврейская интеллигенция, австрийская еврейская интеллигенция, имперское/постимперское.

Keywords: interbellum, intellectual introspection, judicial experience, judicial reality, Soviet Jewish intellectuals, Austrian Jewish intellectuals, imperial/post-imperial.

Правовой статус еврейских граждан претерпел значительные изменения в XIX–XX вв. Трансформация прав привела не только к изменениям в правовой жизни, но и достаточно сильным изменениям в политической, культурной и экономической сферах. В этом плане ин-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

тересной оказывается рефлексия правового опыта в двух достаточно разных государствах – по истории развития своих прав, признанию в обществе, менталитету. Интерес представляет то, как оценивались происходящие в правовом поле изменения еврейскими интеллектуалами Первой австрийской республики и Советской России в период с 1918 по 1938 гг.

Именно еврейские интеллектуалы, являясь непосредственными участниками событий, пытались осмыслить происходящее с ними, пытались решить для себя, какую позицию им занимать. В их мемуарах, письмах, выступлениях и художественных произведениях часто можно наблюдать появление вопроса – «что значит быть евреем сегодня?». Еврейское население в Австрии, Германии, России находилось в двойственном положении, что нашло отражение в правовой и культурной реальности. Эта двойственность проявлялось во всем – в отношении к евреям и в отношении евреев к самим себе. Принять «еврейское» или отказаться от «еврейского»? Именно поиск ответа на этот вопрос объединил таких разных мыслителей, как З. Фрейд, Й. Рот, С. Цвейг, Т. Герцль, Ф. Кафка, К. Краус и т. д. в Австрии, С.Г. Слиозберг, Л. Гроссман, С.М. Дубнов и т. д. в России. Во многом на развитие полемики вокруг этого вопроса повлияли изменения, произошедшие в правовой реальности межвоенного периода, но начавшиеся еще до Первой мировой войны – в имперский период.

Говоря о ситуации в европейских странах межвоенного периода, можно наблюдать общие тенденции и явления: изменения правовой и социальной реальности, появление новых государств после Первой мировой войны, развитие антисемитизма, возникновение сионизма – все это оказало значительное влияние на формирование новой правовой реальности и приобретение нового правового опыта, что повлияло на конструирование «еврейской идентичности». В частности, в этот период равенство в гражданских правах еврейского населения было «формальным», что остро переживалось в правовом опыте еврейскими интеллектуалами.

Если говорить о Вене перед Первой мировой войной, то Э. Кантерян описывает ее следующим образом: «В последние десятилетия перед Первой мировой войной Вена находилась в зените имперского величия: это была столица обширной многонациональной империи, один из крупнейших центров мира, плавильный котел новаторских художественных и интеллектуальных течений. Здесь жесточайший консерватизм сталкивался с самым радикальным модернизмом, здесь острее всего чувствовался упадок старого мира и надежда на новое возрождение; здесь было полно противоречий, маний и гениев» [Кантерян, 2016 с. 11]. Австрия в конце XIX – начале XX вв. подобно немецким государствам избрала для себя путь постепенной интеграции евреев в гражданское общество и осуществляла ее под контролем государственной власти. Выбор этого пути объяснялся тем, что к немедленной интеграции не готовы как еврейские граждане, так и само общество не может принять эту идею. Эмансипация в Австрии отличалась своей направленностью – ее главной задачей являлась аккультурация евреев к немецкой культуре, что означало отказ от иудаизма. Но в реальности еврейские граждане многонациональной империи должны были ответить для себя более широко на этот вопрос – не ассимилировать и оставаться евреем, которого не принимает общество, или ассимилировать и стать немцем, венгром, чехом и т. д. и, возможно, быть частично принятым в обществе.

Одним из первых шагов ассимиляционной политики, предпринятых в XIX веке, стала Конституция Австрийской империи. После ее принятия произошел резкий рост еврейского населения за счет эмигрантов из граничащих с Австрией стран, а также увеличилось количество еврейских граждан в Вене за счет внутренней эмиграции. Но при номинальном гарантировании гражданских прав австрийские евреи не ощущали защиты своих прав. Одним из основных достижений эмансипации еврейского населения можно считать возможность получения образования в школах и университетах. Многие исследователи австрийской культуры отмечают, что австрийских евреев, и в еще большей степени евреев Вены, отличал высокий уровень образованности [Wien und die jüdische Erfahrung

1900–1938..., 2009; Джонстон, 2004; Ле Ридер, 2009; Хаманн, 2016]. Уравнение в гражданских правах дало им возможность учиться в школах, поступать в университеты, участвовать в культурной жизни столицы. В связи с этим многие австрийские еврейские интеллектуалы считали это время золотым веком. Так С. Цвейг (1881–1942) описывал это время как эпоху надежности: «права, которые оно обеспечивало своим гражданам, было закреплено парламентом, этим свободно избранным представителем народа, а каждая обязанность строго регламентирована» [Цвейг, 2016, с. 42].

В поздней имперской России этого периода также, как и в Австро-Венгерской империи, Германии, был сильно развит антисемитизм и юдофобия. Но в отличие от этих государств, ассимиляционная политика не проводилась, более того, еврейских граждан селили в так называемую «черту постоянной еврейской оседлости» на западных границах Российской империи. Лишь определенные категории евреев пользовались «правожителем» вне черты оседлости, а именно лица с высшим образованием, купцы первой гильдии, а также «николаевские» солдаты (и их потомки), призванные в армию до введения закона о всеобщей повинности в 1874 г. Вне черты также могли жить еврейские ремесленники, но лишь при условии, что они занимаются своим ремеслом.

В Российской империи был принят целый ряд правовых законов о еврейском населении, ограничивающих выбор профессии, возможность владения собственностью и т. д. Все это привело как обычных граждан еврейского происхождения, так и представителей еврейской интеллигенции к проявлению недовольства по отношению к правительству и к выбору к одному из двух путей – эмиграция (в довоенный период очень много эмигрантов из России переехало в Австро-Венгерскую империю) или поддержка революционных движений. Конечно, не вся русская еврейская интеллигенция поддерживала революционные движения. В частности, известный русский юрист Г. Слиозберг считал, что евреи России должны быть истинными гражданами Российской империи и поддерживать государственный строй.

Нужно признать, что российское правительство понимало, что достаточно опасно нахождение и сдерживание большой группы в одном месте, поэтому все-таки в имперский период предпринимались попытки решения этого вопроса. Например, был создан «еврейский комитет», который должен был заниматься вопросом интеграции еврейского населения и аккультурацией по отношению к русской культуре. Для этого были использованы такие инструменты, как служба в армии и образование. Но в полной мере это не помогло в процессе ассимиляции еврейского народа. К концу XIX в. стало ясно, что эти инструменты ассимиляции не смогут вырвать еврейских граждан из их изоляции. Как бы ни пытались изменить российское законодательство, общество отказывалось принимать евреев. Например, несмотря на то, что с 1804 г. евреи могли учиться в российских учебных заведениях, в некоторых районах черты оседлости местные гимназии были закрыты по «частному распоряжению». То же самое наблюдалось при приеме на государственную службу еврейских граждан, получивших медицинское образование. Двойственность в отношении к еврейским гражданам, в том числе еврейской интеллигенции, была продемонстрирована в том числе русской интеллигенцией. И.В. Земцова описывает ее следующим образом: «её гражданская позиция пришла в противоречие как с глубоко укоренившимися этническими и религиозными предрассудками, так и с неоднозначно воспринимаемым опытом близкого контакта с представителями другой культуры» [Земцова, 2012, с. 57].

Правовая ситуация мало изменилась в лучшую сторону в рассматриваемых странах и после Первой мировой войны – еврейские граждане Первой австрийской республики и Советской России оказались вновь в двойственной ситуации.

В Первой австрийской республике еврейские граждане столкнулись с новыми и пугающими правовыми порядками в процессе получения гражданства, которые к тому же были национально окрашены. Г. Бюргер отмечает, что для «евреев и еврейских женщин путь к получению нового гражданства в одном из государств-правопреемников стал дли-

тельным и сложным процессом. Нередко он заканчивался отказом в гражданстве. Монархический закон о гражданстве отличался принципом надэтнической нейтральности, в то время как законы о гражданстве новых республик в значительной степени следовал национально-государственной, этнической логике» [Burger, 2014, s.132–133]. Равенство в гражданских правах еврейского населения с австрийскими немцами было «формальным», на что постоянно указывалось как «просвещенной» интеллигенцией, так и простыми жителями Австро-Венгрии. В письме к Й.М. Кейнесу 18 марта 1938 г. Л. Витгенштейн так описывает ситуацию с получением гражданства в Австрийской республике, в которой оказалась его семья и он: «Ты, вероятно, знаешь, что теперь, после аннексирования Австрии, я стал немецким гражданином и считаюсь в соответствии с немецкими законами немецким евреем (поскольку мои бабушка и дедушка крестились уже во взрослом возрасте). <...> Если бы я решил теперь поехать в Вену, то это привело бы к следующим последствиям: во-первых, у меня отберут паспорт, поскольку немецким евреям паспорт выдается лишь в крайних случаях. Отсюда следовало бы, что я не смогу выехать из Австрии и никогда не получу места. <...> Должен признаться, что мысль о том, что я стану (или уже являюсь) немецким подданным, вызывает во мне УЖАС, не говоря о всех тех последствиях, которые проистекают из этого. <...> Я уже раньше подумывал о том, чтобы получить себе английское гражданство, но я отказывался от этой затеи, потому что не хотел становится псевдоангличанином. <...> Теперь же мое положение кардинальным образом переменялось. Я вынужден выбирать между двумя гражданствами, одно из которых грозит мне потерей всего, другое же по крайней мере даст мне возможность работать в другой стране...» [Ботстайн, 2003, с. 26].

После окончания войны в Вену двинулся поток еврейских эмигрантов из окружающих ее государств, что в период с 1918 по 1920 гг. сыграло большую роль в формировании правовой реальности новой республики. По воспоминанию Й. Рота (1894–1939), в Вене в этот период было много евреев, которые вынуждены были покинуть свою родину из-за того, что она была занята неприятелем. Единственное, что им оставалось – заниматься контрабандой, привозить из Венгрии продукты, что было чревато тюрьмой. Сложной была и правовая ситуация по наблюдениям писателя: «После войны их подвергли отчасти насильственной репатриации. Некий глава земельного правительства велел высылать их на родину. Для членов Христианско-социальной партии они евреи. Для членов Немецкой национальной партии они антисемиты. Для социал-демократов они непродуцируемые элементы. А они всего-навсего безработный пролетариат. И коробейник – тоже пролетариат» [Рот, 2011, с. 86–87]. Здесь Рот описывает ситуацию, когда в сентябре 1919 г. Альберт Север, председатель правительства Нижней Австрии, в состав которой входила и Вена, издал указ, который обязывал беженцев получить для дальнейшего пребывания в Вене специальное разрешение. Получить эту бумагу было практически невозможно [Рот, 2011, с. 86–87].

В Австрийской республике под давлением общества представители всех политических сил, включая социал-демократов, вскоре согласились с тем, что необходимо найти способ в отказе на гражданство в Вене еврейским иммигрантам. Был принят проект немецко-австрийского закона о гражданстве от 27 ноября 1918 г., который должен был сделать процесс получения гражданства зависимым от признания немецким государством [Burger, 2014, s. 136]. Этот закон вызвал огромное возмущение со стороны прессы в связи с нарушением прав меньшинств и не был официально принят. В итоге какое-то время возможность получения гражданства регламентировалась статьей 80 Сен-Жерменского мирного договора, в соответствии с которым в течение шести месяцев бывшие граждане Австро-Венгерской империи могли выбрать для себя гражданство по принципу «расы и языка» (*nach Rasse und Sprache*) [Burger, 2014, s. 137]. Но опять же, по этому договору еврейскому населению проблематично было получить гражданство. Только в исключительных случаях бывшим гражданам Австро-Венгрии еврейского происхождения давали

гражданство. Например, его смог получить Й. Рот [Burger, 2014, s. 138]. Одновременно с нараставшим антисемитским настроением усложнялось и правовое положение еврейского населения. С 1921 г. процесс получения гражданства стал еще более сложным, т. к. Австрийским национальным правительством было разрешено руководствоваться не только Сен-Жерменским договором, но и «учитывать требование расовой принадлежности большинству австрийского населения» [Burger, 2014, s. 138].

С каждым годом пребывание еврейского населения в Австрийской республике становилось все проблематичнее. С. Цвейг, вспоминая это время, пишет: «Сначала у евреев отняли их профессии, им запретили посещать театры, кино, музеи, а ученым – пользоваться библиотеками: они оставались из верности или из-за инертности, из-за трусости или из-за гордости. <...> Затем у них отобрали прислугу и радио и телефоны из квартир, затем сами квартиры, затем им насильно приколотили звезду Давида. <...> Они были лишены всякого права, над ними чинилось всякое душевное, всякое телесное насилие с азартным вождением, и для каждого еврея старая русская пословица стала ужасной правдой: "От сумы да от тюрьмы не зарекайся"» [Цвейг, 2016, с. 465–466]. В независимости от своего положения в обществе все еврейское население оказалось объединено вопросом – «почему я страдаю?»: «Только теперь, когда их сгоняли всех вместе и подметали, словно мусор на улицах, – директоров банков из берлинских дворцов и синагогальных служек из ортодоксальных общин, парижских профессоров философии и румынских извозчиков, обывателей покойников и лауреатов Нобелевской премии, концертных певиц и плакальщиц на похоронах, писателей и винокуров, владельцев и неимущих, великих и маленьких, верующих и свободомыслящих, ростовщиков и мудрецов, сионистов и ассимилировавшихся, ашкенази и сефардов, праведников и грешников, а позади них еще оробевшую толпу тех, кто полагал, что давно уже избежал проклятия, крещеных и смешанных, – теперь вот впервые за сотни лет евреям снова навязывали общность, которой они уже не чувствовали <...> общность изгнания» [Цвейг, 2016, с. 469]. В Вене было запрещено практически все – сидеть на скамейках в городе, находиться в одной комнате с немецкими женщинами до 50 лет [Цвейг, 2016, с. 446–447].

В этот период в среде австрийских еврейских интеллектуалов наблюдается пессимистичность взглядов на свое настоящее положение и свое будущее. В 1937 г. Й. Рот пишет: «Хотел бы я обладать даром и проницательностью, чтобы хоть приблизительно обозначить направление выхода. Честность – одна из непризнанных, скромных писательских муз, заставляет меня прийти <...> к неутешительным выводам: 1. Сионизм является лишь частичным решением еврейского вопроса. 2. Подлинное равноправие и достоинство, которое дается внешней свободой, евреи обретут только в том случае, если "титulyные нации" обретут внутреннюю свободу – и внутреннее достоинство, наделяющее способностью к состраданию. 3. Едва ли можно предположить – если не случится чуда Господня – что "титulyные нации" придут к этой свободе и к этому достоинству. Правоверным евреям остается небесное утешение. Всем остальным – "Vae victis!"» [Рот, 2011, с. 153].

В России в начале XX в. было, конечно, некоторое улучшение в гражданских правах. В результате революции 1905 года еврейские граждане получили возможность участвовать в выборах в Государственную думу. В итоге они принимали самое активное участие в выборах и голосовали достаточно массово. Однако в 1912 году, накануне выборов в Четвертую думу, Сенат постановил, что евреи, имеющие условное право жительства вне черты оседлости, не имеют права голоса.

Гражданская война в период с 1918 по 1920 гг. обернулась для еврейства – прежде всего местечкового, не принимавшего участие в политике – погромами. Спасаясь от погромов, многие евреи бежали за границу. Именно в этот период за пределы Российской Империи выехала почти полностью еврейская интеллигенция (М. Винавер, Я. Тейтель, О. Грузенберг, Г. Слиозберг, С.М. Дубнов и т. д.).

В итоге в состоянии постоянной дискриминации, антисемитских настроений и проявления юдофобии неудивительно, что многие еврейские интеллигенты примкнули к революционному движению. К тому же среди революционных деятелей они нашли поддержку и надежду на равенство в гражданских правах: «Не евреи враги трудящихся. Враги рабочих – капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики – их большинство. Они – наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм» [Ленин, 1924, с. 73]. После революции 1917 г. еврейское население стало восприниматься «в качестве подлинных сторонников и опоры молодого Советского государства» [Натанс, 2007, с. 11], стало активно занимать высокие должности в коммунистической партии, Красной Армии. В 1920–30-х гг. еврейские интеллектуалы оказались включенными в советскую культурную элиту: они занимали заметные места в экономической, культурной, управленческой сфере, среди них было много врачей, писателей, инженеров, артистов и т. д. (поэты «Культур-лиги») [История еврейского народа в России..., 2017, с. 72]. Но несмотря на улучшение правового статуса еврейского населения в межвоенный период, советская еврейская интеллигенция ставила перед собой вопросы о персональной идентичности и своего пути (особенно в связи с тем, что на бытовом уровне антисемитские настроения сохранялись): остаться верными своему традиционному образу жизни и развиваться как культурная национальная автономия (идиш был признан языком), отказаться от своей религиозной идентичности, чтобы стать настоящим советским гражданином или эмигрировать и присоединиться к европейским поискам еврейской идентичности и т. д. Ведь, еврейским гражданам не давали забыть об их происхождении даже в советский период. Аркадий Зельцер пишет, что в соблюдении новых правил жизни, которые диктовала советская действительность, наблюдался «дуализм» в среде еврейских граждан. Например: «Приверженность русскому языку или русской культуре сама по себе не означала отказа от еврейской традиции. В провинции сложился новый тип еврея, адаптированного к советским условиям. С одной стороны, он осваивал знания, необходимые для успешной карьеры, с другой – сохранял национально-религиозные ценности, связывавшие его со старшим поколением». [История еврейского народа в России..., 2017, с. 101].

Не все интеллигенты еврейского происхождения положительно смотрели на происходящее в России. С.М. Дубнов (1860–1941) в 1918 году написал «Нам (евреям) не забудут участия евреев-революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и др. заслонят его самого. Смольный называют втихомолку "Центрожид". Позднее об этом будут говорить громко, и юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не простят. Почва для антисемитизма готова» [Дубнов, 1998, с. 397].

Интересен взгляд Й. Рота на положение евреев в Советской России. Он пишет, что «национальным меньшинством» евреи были в старой России всегда – но меньшинством обездоленным. «Клеймо принадлежности к особой нации на них выжигали презрением, угнетением и погромами» [Рот, 2011, с. 125]. Их даже не пытались ассимилировать, от них лишь всеми силами пытались отгородиться – антисемитизм стал методом государственного управления. Но сегодня наблюдается иная ситуация: «Сегодня Советская Россия – единственная в Европе страна, где антисемитизм, может, и не ушел в прошлое, но считается чем-то предосудительным. Евреи здесь совершенно свободные граждане – пусть даже их свобода и не означает того, что еврейский вопрос решен. Как индивидуумы они свободны от ненависти и травли. Как народ – имеют все права «национального меньшинства» [Рот, 2011, с. 127–128].

В принципе, Рот демонстрирует веру в то, что происходит в Советской России: «Решить еврейский вопрос в России – значит наполовину решить его во всем мире. <...> Религиозность широких масс стремительно убывает, мощные религиозные преграды падают, а национальные более слабы, не могут с ними соперничать. Если так будет продолжаться и дальше, то когда-нибудь уйдет в прошлое и сионизм, и антисемитизм – а может

быть, и само еврейство. Кого-то это обрадует, кого-то опечалит. Но всякий с почтительным вниманием будет следить за тем, как один народ освобождается от позора страдания, а другой – от позора палачества; как побиваемый избавляется от своей муки, а побивающий – от проклятия, которое хуже муки. В этом великое достижение русской революции» [Рот, 2011, с. 128].

Равенство в правах как в Первой Австрийской Республике, так и в Советской России еврейских граждан с остальным населением было «формальным», что приводило, в том числе, к проявлению двойственности в обычной жизни. Они столкнулись с тем, что в правовом поле «евреями» назывались лица еврейского происхождения, то есть те, у кого хотя бы один из родителей был евреем. Особенно сильной была рефлексия об этой новой правовой реальности у австрийских еврейских интеллектуалов, многие из которых отказались от своих еврейских корней в пользу аккультурации к немецкой культуре. Но и бывшие граждане Российской империи, которые были включены в интеллектуальное общество (например, отказываясь от своей веры), столкнулись с тем, что несмотря на признание равенства в гражданских правах граждане нового государства – молодой Советской России – не готовы принять евреев как советских граждан. В результате независимо от того, в какой степени еврейский интеллектуал Первой Австрийской Республики или Советской России признавал свою еврейскую идентичность, он не мог полностью ее игнорировать.

Список литературы References

1. Burger H. 2014. Heimatrecht und Staatsbürgerschaft österreichischer Juden. Wien ; Köln ; Weimar, 290 s.
2. Wien und die jüdische Erfahrung 1900–1938. Akkulturation – Antisemitismus – Zionismus / F. Stern, B. Eichinger. Wien ; Köln ; Weimar, 2009. 557 s.
3. Ботстайн Л. 2003. Евреи и Новое время: О роли евреев в немецкой и австрийской культурах (1848–1938): Очерки. СПб. : Изд-во «Бельведер», 464 с.
Botstein, L. 2003. Evrei i Novoe vremya_ O roli evreev v nemeckoi i avstriiskoi kulturah (1848–1938): Ocherki. [Jews and Modern times: on the role of Jews in German and Austrian cultures (1848–1938): Essays]. SPb. Izd-vo «Belveder». 464 p. (In Russian)
4. Гроссман Л. 1999. Исповедь одного еврея. М. : Деконт+, Подкова, 192 с.
Grossman, L. 1999. Ispoved odnogo evreya. [Confession of one Jew]. Moscow. Dekont+. Podkova. 192 s. (In Russian)
5. Джонстон У. 2004. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. М. : Московская школа политических исследований, 640 с.
Johnston, W. 2004. The Austrian Mind. An Intellectual and Social History 1848–1938. Moscow. Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 640 p. (In Russian)
6. Дубнов С.М. 1998. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб. : «Петербургское востоковедение», 672 с.
Dubnov, S.M. 1998. Kniga jizni: Vospominaniya i razmishleniya: Materiali dlya istorii moego vremeni. [Book of life: Memories and reflections: Materials for the history of my time]. Saint-Petersburg. «Peterburgskoe vostokovedenie». 672 p. (In Russian)
7. Земцова И.В. 2012. Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 57–62.
Zemcova, I.V. 2012. Otnoshenie russkoi intelligencii k evreiskoi integracii v russkuyu kulturu (2-ya polovina XIX – nachalo HH vv.) [The attitude of Russian intellectuals to Jewish integration into Russian culture (2nd half of XIX – early XX centuries.)]. Obschestvo. Sreda. Razvitie. [Society. Environment. Development.]. № 2. pp. 57–62. (In Russian)
8. История еврейского народа в России. От революции 1917 года до распада Советского Союза / Под ред. М. Бейзера. Том 3. М. : Мосты культуры/Гешарим, 2017. 480 с.

Beizer, M. 2017. *Istoriya evreiskogo naroda v Rossii. Ot revolyucii 1917 goda do raspada Sovetskogo Soyuza*. [History of the Jewish people in Russia. From the revolution of 1917 to the collapse of the Soviet Union]. Tom 3. Moscow. Mosti kulturi/Gesharim. 480 p. (In Russian)

9. Кантерян Э. 2016. Людвиг Витгенштейн. – М. : Ад Маргинем Пресс, 248 с.

Kanterian, E. 2016. *Lyudvig Vitgenshtein*. [Ludwig Wittgenstein]. Moscow. Ad Marginem Press. 248 p. (In Russian)

10. Ле Ридер Ж. 2009. Венский модерн и кризис идентичности / Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 720 с.

Le Rider, J. 2009. *Venskii modern i krizis identichnosti*. [Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in Fin-De-Siecle Vienna]. Saint-Petersburg. Izd-vo im. N. I. Novikova. 720 p. (In Russian)

11. Ленин В.И. 1924. О еврейском вопросе в России. Запорожье : Кооперативное издательство «Пролетарий», 95 с.

Lenin, V.I. 1924. *O evreiskom voprose v Rossii. Zaporoje*. [On the Jewish question in Russia]. Kooperativnoe izdatelstvo «Proletarii». 95 p. (In Russian)

12. Натанс Б. 2007. За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 463 с.

Nathans, B. 2007. *Za chertoi: evrei vstrechayutsya s pozdneimperskoi Rossiei*. [Beyond the pale : the Jewish encounter with late imperial Russia]. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 463 p. (In Russian)

13. Рот Й. 2011. Дороги еврейских скитаний; Пер. с нем., вступ. статья и примеч. А. Шибаровой. – М. : Текст, Книжники, 156 с.

Rot, I. 2011. *Dorogi evreiskih skitanii*. [The road of Jewish wandering]. Moscow. Tekst, Knijniki. 156 p. (In Russian)

14. Хаманн Б. 2016. Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности. М. : Ад Маргинем Пресс, 568 с.

Hamann, B. 2016. *Gitler v Vene. Portret diktatora v yunosti*. [Hitler's Vienna. Portrait of a dictator in his youth.]. Moscow. Ad Marginem Press. 568 p. (In Russian)

15. Цвейг С. 2016. Вчерашний мир : воспоминания европейца / С. Цвейг ; пер. с нем. Г. Кагана. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 480 с.

Zweig, S. 2016. *Vcherashnii mir: vospominaniya evropeica*. [The World of Yesterday: Memories of a European]. Saint-Petersburg. Azbuka. Azbuka-Attikus. 480 s. (In Russian)